РАЗДЕЛ 5.

**ТВОРЧЕСТВО М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ДИАЛОГЕ
КУЛЬТУР НАРОДОВ ЮГА РОССИИ**

А. М. Бугаев¹, С. С. Магамадов²

**РОЛЬ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В СБЛИЖЕНИИ
КУЛЬТУР РУССКОГО И КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ**

В статье в постановочном плане сделана попытка показать роль творчества М. Ю. Лермонтова в сближении культур русского и кавказских народов. Авторы, используя научные труды и публикации отечественных исследователей разных времен, сумели проследить эволюцию взглядов и оценок поэта на кавказские события.

Ключевые слова: *цивилизация, Кавказ, горы, стереотипы, экспансия, взаимопонимание, взаимодействие*

Кавказ, говоря словами выдающегося отечественного историка, академика Российской академии наук Ю. А. Полякова, «...действительно является мини-моделью России и, соответственно, планеты» [13, с. 208]. Он совершенно обоснованно считал, что «общеисторическое значение Кавказа в том, что здесь было место встреч цивилизаций, место синтеза, взаимообогащения цивилизаций» [13, с. 208]. Ю. Поляков неоднократно отмечал, «что соприкосновение цивилизаций, их взаимообогащение в противоречиях и столкновениях стало основой поступательного движения человечества», подчеркивая, что нигде «так остро, плодотворно и многокрасочно не

¹ *БУГАЕВ Абдула Махмудович* – кандидат исторических наук, заведующий отделом гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института им Х. И. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный, Россия. Электронная почта: yasma@bk.ru.

² *МАГОМАДОВ Сульян Султанович* – кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия. Электронная почта: academy_chr@mail.ru.

происходило противостояние и одновременно взаимопроникновение Европы и Азии, как на Кавказе» [13, с. 208].

С давних времен Кавказ, его многочисленные народы привлекали к себе внимание и интерес людей творческих, любознательных, говоря современным языком, людей креативных. Подлинную красоту этого, по-своему неповторимого уголка земного шара, его многоцветие и многообразие не только в географических, ландшафтных параметрах, но и в лицах, судьбах человеческих, народных сумели передать современникам гении слова и рисования – поэты и художники.

Процесс формирования государственного единства народов России – Российской Федерации – это длинная цепь событий, исторически обусловленных совокупностью факторов как объективных, так и субъективных. Как правильно отмечают исследователи, «анализ этих сплетенных в реальной жизни в неразделимый континуум воздействий представляет сложнейшую исследовательскую задачу» [11, с. 6]. При этом, естественно, немаловажное внимание требуется уделить таким вопросам, как роль выдающихся личностей в преодолении стереотипов, неизбежно формировавшихся в ходе реализации геополитических проектов.

Россия к началу XIX века контролировала значительную часть Северного Кавказа. Однако в самом российском обществе представление о Кавказе было весьма туманным и неоднозначным. Для большинства россиян это был край малоизвестный, мятежный, где жили постоянно враждовавшие между собой дикие племена, вечно кипела война. Видимо поэтому в российском общественном сознании Кавказ прозвали «погибельным» краем, «теплой Сибирью», куда ссылали провинившихся и осужденных офицеров и чиновников. Еще с конца XVIII века в России стали появляться разного рода публикации о Кавказе и его жителях. Подавляющее большинство из них были написаны военными авторами, малознакомыми с Кавказом и весьма тенденциозно относящимися к горцам. Для них они были прежде всего противниками, врагами. Соприкасаясь с горцами только во время военных столкновений, эти авторы наблюдали их «сквозь дым пороховой, в исключительных, неестественных случаях» [8, с. 149]. Кавказская война носила чрезвычайно ожесточенный характер, и от военных авторов,

чаще всего писавших под свежими впечатлениями только что пережитых событий, трудно было требовать объективного и беспристрастного отношения к горцам. Война накладывала на их писательские труды «свою кровавую окраску» [8, с. 149].

В результате такой «пропаганды уже в первые десятилетия XIX века в российском обществе устойчиво существовал стереотип о горцах как о «хищниках», «разбойниках», «грабителях», «мошенниках». Даже такие известные исследователи Кавказа, как С. М. Броневский и И. Ф. Бларамберг утверждали, что горцы живут в «варварской первобытности» [6, с. 316], разбой и захват – «их единственное занятие, единственный способ добыть еду и оружие» [5, с. 18]. «Бесчеловечным хищником» называл северокавказского горца И. Н. Березин [4, с. 90]. Р. А. Фадеев считал, что горцы «до того сроднились с хищничеством, что оно перешло к ним в кровь, образовало из них хищную породу, почти в зоологическом смысле слова» [17, с. 13]. М. Н. Покровский отмечал, что «в глазах русской администрации начала XIX века все народы, населявшие Кавказский хребет и его предгорье, были на одно лицо: все это были “мошенники и злодеи” (сравните – “лица кавказской национальности”). В глазах русского обывателя, не только того, но и много более позднего времени, все это были “черкесы” – и, конечно, тоже “коварные хищники»» [12, с. 195].

Бесспорно, что в начале XIX века в российском общественном сознании борьба северокавказских горцев за свою свободу и независимость не могла быть воспринята иначе, как проявление «хищничества» и «разбоя». Для абсолютного большинства россиян долгое время это была чужая борьба, а горцы, защищавшие свою землю и своих близких, – врагами. К тому же царизм целенаправленно культивировал и разжигал межнациональную ненависть и вражду [7, с. 278].

Официальный Петербург и официальные авторы не понимали и не хотели понимать, что на Кавказе они столкнулись с самостоятельным миром, самостоятельной цивилизацией, с иным культурным явлением, познать и оценить которое нельзя с европоцентристских позиций. Следует отметить, что подобный подход к оценке культуры народов Востока был характерен практически для всей тогдашней Европы. С точки зрения европейских авторов, «полудикими» и отсталыми

были практически все страны и народы Востока, включая и такие очаги мировой цивилизации, как Китай и Индия.

Однако в России были и совершенно противоположные оценки Кавказа, его народов, их традиций и обычаев. Среди прогрессивной интеллигенции, передового офицерства, в т. ч. и тех, кто непосредственно воевал на Кавказе, находились личности, безоглядно осуждавшие кавказскую политику царизма, жестокость методов покорения этого «дивного края». Отдельные отечественные прогрессивные издания не без удовлетворения отмечали высокий уровень развития сельского хозяйства и ремесла у горцев, их заметные успехи в области образования, «Дагестан снабжал весь Восточный Кавказ знатоками арабского языка, чтецами, муллами и кадиями. Эта гряда голых скал была едва ли не самым грамотным местом на Кавказе: в редкой уважающей себя семье не учили детей, по крайней мере, мальчиков, читать по-арабски», – сообщал российский источник XIX в. [16, с. 27].

Кавказ как «дивный край», населенный не «хищниками», а гордыми свободолюбивыми храбрыми горцами, открыл для русского общества великий русский поэт А. С. Пушкин. В. Г. Белинский писал: «Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями первый раз воспроизведен в русской поэзии. Только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом, давно уже знакомым России по оружию. Мы говорим – в первый раз, ибо каких-нибудь двух строф, кроме довольно прозаических, державинских, посвященных Кавказу, и отрывка из послания Жуковского к Воейкову, посвященного тоже довольно поверхностному описанию (в стихах) Кавказа, слишком недостаточно для того, чтоб получить какое-нибудь, хоть сколько-нибудь приблизительное понятие об этой поэтической стороне. Мы верим, что Пушкин с добрым намерением выписал в примечаниях к своей поэме стихи Державина и Жуковского и с полной искренностью от чистого сердца хвалит их: но тем не менее он оказал им через это слишком плохую услугу, ибо после его исполненных творческой жизни картин Кавказа никто не поверит, что в тех выписках шло дело о том же предмете» [2, с. 427].

Как известно, А. С. Пушкин в 1820 году вместе с семьей Раевских прибыл на Кавказские Минеральные Воды. И под

впечатлением увиденного и услышанного он написал поэму «Кавказский пленник», которая произвела огромное впечатление на русское общество блестящим описанием кавказской природы и жизни горцев. В этом талантливом произведении А. С. Пушкин о народах Кавказа сказал не языком официальной России, а понятными для широкого отечественного обывателя словами:

*Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал,
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных простоту [15, с. 9].*

В своем первом «кавказском» произведении А. С. Пушкин раскрывает свое сочувственное отношение к ожесточенному сопротивлению горцев экспансии самодержавной России. В черновой рукописи «Кавказского пленника» он пишет:

*Так буйную вольность законы теснят,
Так редко племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят [Цит. по: 10, с. 297].*

Этот протест принимает совершенно отчетливые формы в «Путешествии в Арзрум» (1836), где А. С. Пушкин отмечает: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из вольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены» [14, с. 566].

Е. Г. Вейденбаум отмечал, что «кавказские» произведения Пушкина «ввели в моду взгляд на горцев, как на “гордых сынов Кавказа”, воюющих не ради хищничества, а в защиту своей “дикой вольности” или рыцарской любви к бранным забавам» [7, с. 281].

Как известно, произведения А. С. Пушкина оказали сильное влияние на творчество его современников. М. Ю. Лермонтов, А. И. Полежаев, К. П. Белевич – непосредственные участники Кавказской войны – не только поддержали своего

великого предшественника, но и развили его поэтику воспевания освободительной борьбы горцев и осуждения жестоких методов их покорения.

Особое место Кавказ занял в творчестве М. Ю. Лермонтова, великого «наследника Пушкина и Грибоедова, преемника мятежных традиций декабристской поэзии» [1, с. 361], бесспорно ставшего певцом горской вольности.

По свидетельству исследователей, впервые Кавказ М. Лермонтов увидел в раннем детстве. В 1818, 1820 и в 1825 годах его бабушка Е. А. Арсеньева возила его на Кавказские воды и в имение своей сестры Екатерины Алексеевны Хастатовой, которое находилось на границе Чечни, на левом берегу Терека, выше станицы Червленной [1, с. 409].

Рассказывая об этих поездках, Ираклий Андроников писал: «Везде стояли казачьи пикеты, переезды совершались не иначе, как под охраной пушки. Мальчик видел черкесов в мохнатых шапках и бурках, скачки джигитов, огненные пляски, хороводы, видел праздник байрама, слышал горские песни, легенды, предания» [1, с. 409].

В самом имении Хастатовой, которое называлось Шелкозаводск, Шелководск, а чаще всего – Шелковое, М. Ю. Лермонтов с упоением слушал рассказы о горцах, об их нравах и быте, о кровной мести, о кровопролитных сражениях и схватках, о засадах, подстерегавших казаков, о жителях затеречных сел и аулов.

Таким образом, в основу всех юношеских поэм и стихотворений Лермонтова легли, как отмечает И. Л. Андроников, эти первые, неизгладимые впечатления, этот виденный им в детстве край войны и свободы, этот подлинный сражающийся Кавказ [1, с. 413].

Увиденное и услышанное М. Ю. Лермонтовым во время его первых приездов на Кавказ, в последующие годы обогащалось и дополнялось новыми рассказами Хастатовых и других их родственников, приезжавших в Москву, Петербург, Тарханы, саратовскую Нееловку и др.

На этом основании И. Л. Андроников делает вывод: «Теперь уже становится окончательно ясным, откуда было у Лермонтова такое изобилие кавказского материала в юношеских произведениях и такое точное знание кавказской войны» [1, с. 414]. Однако исследователь совершенно справедливо заме-

чает: «Но при этом не надо забывать, что горцев, их жизнь и нравы Лермонтов описывал не по собственным наблюдениям, а с чужих слов – по рассказам людей, весьма осведомленных, но смотревших на все это разными глазами» [1, с. 414].

Как известно, в 1837 году М. Ю. Лермонтов был сослан на Кавказ. При этом следует иметь в виду, что это была своего рода ссылка – наказание за публичную оценку сложившихся устоев самодержавия и ее идеологии (говоря современным языком). И на Кавказ прибыл не юноша, увлеченный романтикой рассказов, а возмужалый гражданин-патриот Отечества «со сложившимися общественно-политическими взглядами». При этом он становится непосредственным участником военных действий, очевидцем повседневной жизни горцев, казачества. Пользуясь малейшей возможностью, он внимательно изучал местный фольклор, легенды старины, поверья, обычаи и нравы горцев. М. Ю. Лермонтов как бы изнутри наблюдал за всем происходящим, видел жестокости и притеснения, которым подвергались горцы с воюющей стороны. И почти во всех произведениях своего «Кавказского цикла» он горячо сочувствует борьбе горцев за свободу и протестует против экспансионистской политики царизма.

В «кавказском» творчестве М. Ю. Лермонтова наиболее заметным и ярким является «чеченский след». Взаимоотношениям чеченцев и казаков, Тереку, разделявшему их, посвящены его стихи «Кавказский пленник» (в подражание А. С. Пушкину), «Казачья колыбельная песня», «Дары Терека». Поэма «Измаил-бей» представлена М. Ю. Лермонтовым как рассказ старика-чеченца. И на наш взгляд, есть достаточно оснований утверждать, что поэт в этом произведении как бы торопится признаться в любви Кавказу, его народам. Приветствуя «седой Кавказ», он восклицает:

*Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих пор
Все небо юга да утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край свободы...*

По свидетельству В. Г. Белинского, Кавказ стал для Лермонтова «поэтической родиной, пламенно любимой им». В связи с этим критик писал, что «на недоступных вершинах Кавказа, венчанных вечным снегом, находит он свой Парнас; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Ипокрену» [3, с. 544]. И вполне справедлив И. Л. Андроников, который в этой связи писал: «Читая статью Белинского, мы должны помнить, что, говоря о Кавказе, ставшем колыбелью лермонтовской поэзии, великий критик имел в виду не одни “Дары Терека”, но прежде всего “Мцыри” и “Демона”» [1, с. 416].

Исследователями доказано, что поэма «Мцыри» – этот образец романтического произведения – посвящена нелегкой судьбе будущего известного художника Петра Захарова, чеченца по национальности [9]. Родное село Захарова – Дада-юрт – было уничтожено царскими войсками в сентябре 1819 года. Трехлетнего ребенка солдаты взяли из рук умирающей матери и доставили к Ермолову, а тот передал его на воспитание своему брату. Эта трогательная история и нашла отражение в указанной поэме.

Летом 1840 года в Чечню был направлен экспедиционный отряд генерала Галафеева, который прошел через Чах-Кери к Гойтинскому лесу и Урус-Мартан, выжигал аулы, уничтожая хлеба. В составе отряда был М. Ю. Лермонтов. 11 июля 1840 года на реке Валерик состоялось кровопролитное сражение между царскими войсками и чеченцами. Этому событию посвящено одно из лучших стихотворений поэта «Валерик». Как отрицание вражды между людьми разных национальностей и религий, как залог возможности осуществления мечты о мире и братстве между народами в «Валерике» выведен образ чеченца Галуба – друга (кунака) Лермонтова.

В своем остром осуждении жестоких методов царской политики покорения Северного Кавказа поэт сумел достичь философской вершины отрицания завоевательных войн вообще. В «Валерике» поэт восклицает:

*И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,*

*Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?*

Произведения Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Бестужева-Марлинского, многих других выдающихся сынов русского народа способствовали распространению истинных представлений о Кавказе и его народах. Несмотря на некоторые встречающиеся ремарки – неточности и отдельные противоречия, их творчество было глубоко прогрессивным и сыграло немаловажную роль в сближении культур русского и кавказских народов, достижении их взаимопонимания.

Известный чеченский писатель-современник Канта Ибрагимов писал: «Лермонтов – величайший русский поэт, и родился он в Москве, и прожил почти всю жизнь в столице России, однако если судить по творчеству, по его лучшим, бессмертным произведениям, то можно осмелиться и сказать – душой он кавказец» [9, с. 48].

Использованная литература:

1. Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. М.: АСТ, 2013.
2. Белинский В. Г. Избранные сочинения. М.: ОГИЗ, 1947.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 4.
4. Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью СПб.: Университетская тип., 1849.
5. Бларамберг И. Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1992.
6. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селиванского, 1823. Ч. 1.
7. Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды: исследования и заметки. Тифлис: Тип. С. Мартиросянц, 1901.
8. Вертепов Г. Ингуши. Историко-статистический очерк // Ингуши. Саратов: Детская книга, 1996.
9. Ибрагимов К. Х. Академик Петр Захаров. Романтизированная биография. Грозный: Издательство М. и В. Котляровых, 2013.
10. Лобикова Н. М. Кавказ в творчестве Пушкина // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного педагогического института. Вып. 13. Нальчик, 1957.

11. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / отв. ред. А. Я. Дегтярев. М.: Изд-во Московского университета, 1996.
12. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М.: Красная новь, 1923.
13. Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. Книга 2. М.: РОССПЭН, 2004.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 6-ти. т. Л.: Academia, 1936. Т. 4.
15. Пушкин А. С. Сочинения: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2.
16. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868.
17. Фадеев Р. А. Собрание сочинений. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1890. Т. 1.

THE ROLE OF M. LERMONTOV'S CREATIVE WORKS IN BRINGING CLOSER THE CULTURES OF THE RUSSIAN AND CAUCASUS PEOPLES

BUGAEV, Abdula – head of the Department of Humanitarian Studies, PhD (History), Ibragimov Complex Scientific Research Institute of the Russian Academy of Sciences Grozny, Russia.

E-mail: yasma@bk.ru

MAGAMADOV, Supian – PhD (History), professor, director of the Institute of Humanitarian Studies, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia.

E-mail: academy_chr@mail.ru

The article attempts to show the role of M. Lermontov's works in bringing closer the cultures of the Russian and Caucasus peoples. With the help of scientific works and publications of Russian scholars of different periods, the authors have managed to trace the evolution of the poet's views and appraisals to the events taking place in the Caucasus.

Keywords: *civilization, Caucasus, mountain-dwellers, stereotypes, expansion, mutual understanding, cooperation.*

References:

1. Andronikov, I. *Lermontov. Issledovanija i nakhodki* (Lermontov. Studies and findings). М.: AST, 2013.

2. Belinsky, V. *Izbrannyye sochineniya* (Selected works). M.: OGIZ, 1947.
3. Belinsky, V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13-ti t.* (Complete Works in 13 vol.) M.: Izd. Akademii nauk SSSR, 1954. T. 4.
4. Berezin, I. *Puteshestvie po Dagestanu i Zakavkazyu* (Travelling round Dagestan and Transcaucasia). SPb.: Universitetskaya tip., 1849.
5. Blaramberg, I. *Kavkazskaya rukopis* (A Caucasian manuscript). Stavropol: Stavropolskoe kn. izd, 1992.
6. Bronevsky, S. *Noveyshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* (Latest geographical and historical reports on the Caucasus). M.: Tip. S. Selivanskogo, 1823. Ch. 1.
7. Veydenbaum, E. *Kavkazskie etudy: issledovaniya i zametki* (Caucasian essays: studies and sketches). Tiflis: Tip. S. Martirosyants, 1901.
8. Vertepov, G. *Ingushi. Istoriko-statisticheskij ocherk* (The Ingush people. A historical and statistical essay) // Ingushi. Saratov: Detskaya kniga, 1996.
9. Ibragimov, K. *Akademik Petr Zakharov. Romantizirovannaya biografiya* (Academician Petr Zakharov. A romanticized biography). Grozny: Izdatelstvo M. i V. Kotliarovykh, 2013.
10. Lobikova, N. *Kavkaz v tvorchestve Pushkina* (The Caucasus in Pushkin's works) // Uchonye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Vyp. 13. Nalchik, 1957.
11. Lubavsky, M. *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneishikh vremion i do XX veka* (A survey of Russian colonization from ancient times until the 20th century)/ otv. red. A. Degtyarev. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1996.
12. Pokrovsky, M. *Diplomatiya i voiny carskoy Rossii v XIX v.* (Diplomacy and wars of tsarist Russia in the 19th century). M.: Krasnaya nov, 1923.
13. Polyakov, Yu. *Istoricheskaya nauka: ludi i problemy* (Historical science: people and problems). Kniga 2. M.: ROSSPEN, 2004.
14. Pushkin, A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 6-ti t.* (Complete works in 6 vol.) L.: Academia, 1936. T. 4.
15. Pushkin, A. *Sochineniya: v 3-kh t.* (Works in 3 vol.) M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. T. 2.
16. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* (Collected data on Caucasus highlanders). Vyp. 1. Tiflis, 1868.
17. Fadeyev, R. *Sobranie sochineniy* (Collected works). SPb.: Tip. V. V. Komarova, 1890. T. 1.